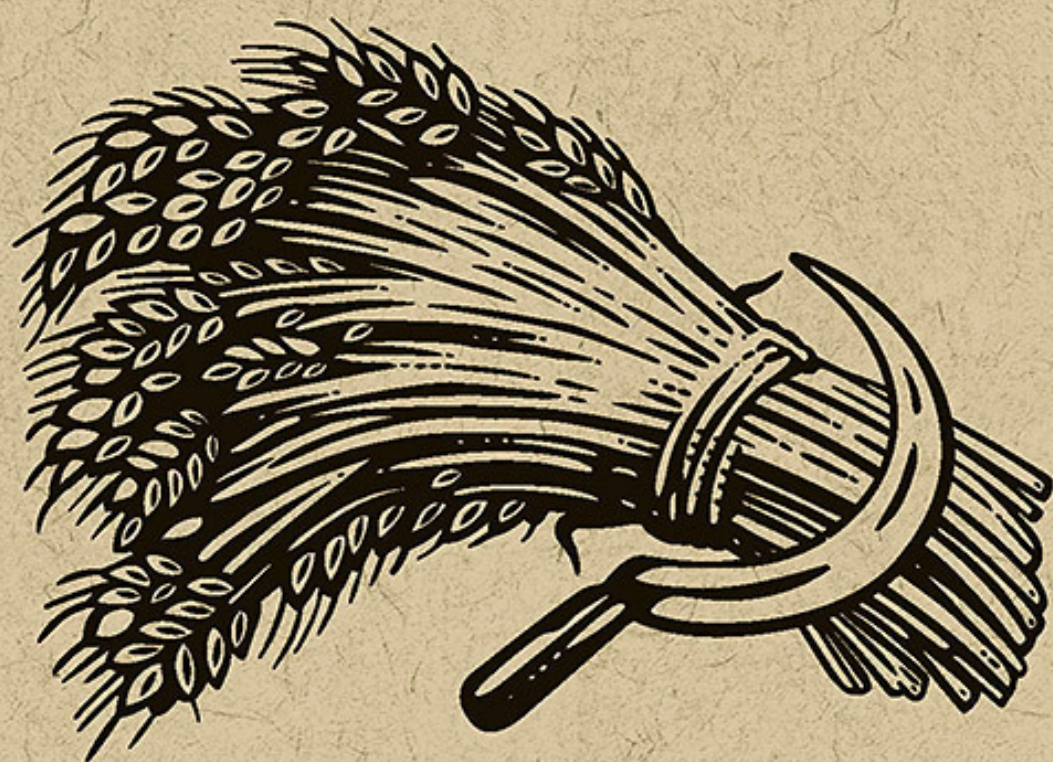

ЕЛЕНА ПРУДНИКОВА

ВЕЛИКАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА

ОТ РАБСТВА ДО НЭПА

ПРЕДИСЛОВИЕ
ДМИТРИЙ GOBLIN ПУЧКОВ

Тупичок Гоблина

Елена Прудникова

**Великая аграрная реформа. От
рабства до НЭПа. Предисловие
Дмитрий GOBLIN Пучков**

«Питер»

2020

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)7-205

Прудникова Е. А.

Великая аграрная реформа. От рабства до НЭПа. Предисловие
Дмитрий GOBLIN Пучков / Е. А. Прудникова — «Питер»,
2020 — (Тупичок Гоблина)

ISBN 978-5-4461-1367-5

Россия входила в XX век «отсталой» аграрной страной, сельское хозяйство которой застыло на уровне феодализма. Четыре пятых населения Российской империи проживало в деревнях, большая часть крестьян не могла прокормить себя. Две попытки провести аграрную реформу – 1861 и 1906 гг. – с треском провалились. Советская Россия катилась к полному экономическому коллапсу. И тогда большевики совершили невозможное, проведя невероятную по смелости аграрную реформу. Не осмыслив сути этой реформы и цены, которую наша страна заплатила за то, чтобы вырваться из феодализма, невозможно понять то страшное и великое время.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)7-205

ISBN 978-5-4461-1367-5

© Прудникова Е. А., 2020
© Питер, 2020

Содержание

Предисловие	6
Введение	7
Беседа 1-я	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Елена Прудникова, Дмитрий Goblin Пучков
Великая аграрная реформа. От
рабства до НЭПа. Предисловие
Дмитрий GOBLIN Пучков

© ООО Издательство «Питер», 2020

© Серия «Тупичок Гоблина», 2020

© Дмитрий GOBLIN Пучков, предисловие, 2020

© Прудникова Е. А., 2020

Предисловие

Аграрных реформ в новой истории нашей страны насчитывается три. Первая, полу-успешная, если говорить о преследуемых целях, и совершенно катастрофическая в политическом плане, именуется «освобождением крестьян». Вторая, единственная, которая так и называется «реформой», – торжественно провалившаяся столыпинская. Третья же вообще не воспринимается как реформа, хотя именно она достигла всех целей, которые преследовали, о которых мечтали и о которых даже не смели мечтать предыдущие реформаторы. Большевики, любители новых терминов, ушли от сущности в технологию и назвали сие действие «коллективизацией».

Да, технологически это коллективизация, но по сути-то – третья аграрная реформа. А по достигнутым результатам и по значению для судеб страны ее можно назвать великой. Если бы не она, не было бы сейчас на карте никакой России, а жалкие остатки населения жили бы не в сверхдержаве, а в каком-нибудь бангустане.

Почему до начала 30-х годов «мировое сообщество» не трогало Советский Союз? Да потому, что никто не верил в способность большевиков справиться с российским аграрным комплексом. А когда стало ясно, что аграрная реформа прошла успешно, власть в Германии тут же вручили Адольфу Гитлеру. Впрочем, намеченных целей и он не достиг. Красная армия, в большинстве своем состоявшая из крестьян, готова была зубами грызть врага. Почему бы это, если большевики разорили русское крестьянство и насильно согнали в колхозы? Снова иррациональный патриотизм русского чело века?

А может, все было не так, как писал в 90-е годы журнал «Огонек»? Может, и крестьянам Страны Советов было за что бороться?

Дмитрий Goblin Пучков

Введение

Д. Пучков: Я вас категорически приветствую. Елена Анатольевна, здравствуйте!

Е. Прудникова: Аналогично! Здравствуйте.

Д. Пучков: Для начала несколько вопросов от слушателей нашего канала. *«Как вы занимаетесь историей – как наукой или в качестве любителя?»*

Е. Прудникова: Вопрос интересный. Если говорить о формальном статусе, то как любитель. А если о методе – то как наукой, поскольку я по образованию физик, и не просто физик, а твердотельщик. Физика твердого тела – одна из сложнейших и наименее изученных областей этой науки. У нас на физико-механическом факультете ленинградского Политеха был так называемый «физический» поток – атомщики, биофизики и твердотельщики, то есть те направления, которые существовали тогда большей частью как фундаментальные, в теории. А чему очень хорошо учат физика-фундаментальщика – так это проводить исследования. Если инженер ошибется, получится убытку... скажем, на миллионы. Прикладник ошибется уже на миллиарды, а фундаменталист ошибется – это такие убытки... Представляете: делали-делали атомную бомбу, а она не взорвалась, поскольку имела место принципиальная ошибка теоретиков. Это на сколько же выставили бы правительства всего мира? Поэтому нас очень хорошо учили проведению исследований, и в том числе решению задач, просто вбивали эти методы в подкорку. А уж если ты умеешь решать задачи, то к чему это умение применять – совершенно безразлично. Я вот к истории применила, могла к кулинарии, могла еще к чему-нибудь...

Д. Пучков: То есть вы не есть представитель отечественной исторической науки...

Е. Прудникова: И слава богу, потому что наша историческая наука по сути – богословие. Тебе в вузе и после него рассказывают, как все было с точки зрения современной науки, затем ты берешь какой-то маленький кусочек и этот кусочек изучаешь, пытаешься вписать его в общую картину, он не лезет, ты придумываешь связки, объяснения, а он все равно не лезет... Я ведь это не просто так говорю. Я читаю монографии, там это очень хорошо видно: как честное, добротное исследование пытаются вписать в совершенно бредовую общую картину. А если ты не будешь так делать, ты ничего не опубликуешь, никогда в жизни не защитишься.

Д. Пучков: А вы не думали степенью обзавестись...

Е. Прудникова: Предлагали пару раз хорошо ко мне настроенные историки написать диссертацию, защититься. Не хочу. Сумасшедший объем работы, испорченное на годы перо – этот научный стиль, он перо просто убивает, – куча бюрократических процедур, и все ради чего? Чтобы в случае успеха прибавить к имени «кандидат исторических наук»? А зачем мне эта прибавка? Я не историк, я писатель, пишу свои книги, провожу исследования так, как меня учили: собрать данные, проверить начальные и граничные условия, поставить задачу. И если она в процессе постановки не решается сама по себе, приступить к решению. Но обычно, когда сделаешь предварительную работу, решение уже очевидно. А то, что оно не совпадает с общепринятой картиной... ну, не совпадает, что ж тут поделаешь...

Д. Пучков: Еще вопрос на ту же тему. *«Искренне интересно, что лежит в основе вашей деятельности? То есть почему вы развеиваете мифы, что само по себе хорошо, иногда переводя эти мифы в обратную крайность? Цель – отрицание ради отрицания или более глубокие мотивы?»*

Е. Прудникова: Я не знаю, насколько это более глубокий мотив. Цель вполне естественная, это любопытство и ничего, кроме любопытства. Потому что денег писательским ремеслом не заработаешь, отрицать ради отрицания – у меня гормоны не те, я все-таки не мужик. Я просто хочу знать, как все было на самом деле, и пытаюсь выяснить. Это очень увлекательное занятие, кстати...

Д. Пучков: У меня есть на эту тему атеистический лозунг: «Промолчи, и сатана восторгается».

Е. Прудникова: Это второй мотив, он менее значимый, но, опять же, если я что-то узнаю – зачем буду молчать? Я постараюсь донести до всех.

Д. Пучков: *«Расскажите немного про вашу работу в архивах. Как работаете с источниками? Ведете ли карточки? Устанавливаете ли факты разными, независимыми источниками? Какие самые удивительные исторические источники находили, которые поменяли ваше видение тех или иных вопросов как историка?»*

Е. Прудникова: Работать в самих архивах мне почти не приходится по двум причинам. Причина первая: я здесь, в Питере, а архивы в Москве. Я же не могу переехать в Москву, чтобы сидеть в архивах.

Д. Пучков: Сейчас вам расскажут, что это выбивает абсолютно всю научную почву из-под ваших исследований.

Е. Прудникова: Как-нибудь переживу. Я не диссертацию защищаю и даже не на форуме свое мнение доказываю. Конечно, брать в руки архивный листок – это ни с чем не сравнимое ощущение: само время смотрит тебе в глаза. Но хорошенького понемножку, а то зубы заболят. К счастью, есть вторая причина: сейчас такое количество опубликованных документов, в бумажных сборниках и в интернете, что в архивы надо лазать только по очень специальным поводам.

Д. Пучков: И часто у вас такие поводы бывают?

Е. Прудникова: По большому счету, два раза – это книги о Катыни и о «голодоморе». Поэтому они и написаны с соавтором. Мой соавтор, Иван Иванович Чигирин – москвич, любит архивы, сидит в них. Он нашел все нужные архивные материалы по Катыни и по «голодомору». А самое большое «архивное» открытие – это то, что архивам доверять нельзя, потому что значительное количество архивных документов – фальшивки, даже лежащие там, не говоря уже про опубликованные. Поэтому, когда работаешь с архивными документами, желательно применять стилистический анализ – потому что подделать можно все: бумагу, исходные данные, все, кроме стиля. Стилль подделать невозможно.

Д. Пучков: Как бывалый криминалист, я с вами решительно не соглашусь в данном вопросе.

Е. Прудникова: То есть? А почему? Стилль тоже можно подделать?

Д. Пучков: Конечно. Я про другое вам скажу: подделку всегда можно установить, практически всегда, выявить и разоблачить.

Е. Прудникова: Да, но это требует экспертизы, а кто позволит тащить к экспертам архивную бумажку? И то не всегда дает результаты. Мы распечатали из интернета и отдали на почерковедческую экспертизу знаменитые так называемые «Письма Берии из бункера». Экспертиза нам сказала, что письма подлинные. Один из знакомых Ивана Ивановича сделал то же самое – ему эксперт ответил, что письма фальшивые. Товарищи из КГБ мне сказали, что можно подделать документ так, что ни одна экспертиза по почерку подделку не распознает. А вот читаешь и по стилю сразу видишь, что это не Лаврентий Павлович писал.

Д. Пучков: Я с таким не сталкивался. Это, извините, ваши внутренние ощущения, которые к доказательствам не имеют никакого отношения. Если мы посмотрим картину Рубенса, и вы скажете: «Это не Рубенс». «Почему?» «Души нет». Вот это доказательство!

Е. Прудникова: «Души нет» – это достаточно серьезно, потому что когда ты имеешь дело с документом, который человек писал от себя, а не подделывал чужой стилль и почерк, то как раз ощущается, что за ним стоит нечто, личность за ним стоит. Искусство перевоплощения – сложнейшее и до конца дается только гениям. Но вряд ли гений станет пачкать руки изготовлением фальшивок, он найдет своему таланту лучшее применение. А вот за фальшивкой личности не ощущаешь. Это не доказательство, но это помогает работать с источниками и

отсеивать сомнительные. Например, у вас есть картина происходившего, и появляется некий документ, который в нее категорически не вписывается. Естественно, вы первым делом проверяете его на сомнительность...

Д. Пучков: И конечно, раз он не вписывается, то оказывается фальшивым.

Е. Прудникова: Далеко не всегда. Иногда приходится менять картину.

Д. Пучков: Наука не про это. Наука, она про факты, а не про ощущения. Подделать тот гигантский массив, который хранится, просто физически невозможно. Была тут в интернете дискуссия: мол, выкопали грунт на три метра в Ярославле, перенесли в Новгород и там закопали – так Романовы пытались переделать русскую историю. Ведро – поверю, а целый Ярославль перенести в Новгород... То же самое и с документами.

Е. Прудникова: А все и не нужно. Массив – он лежит в архивном хранилище и лежит себе. Никто им особо не интересуется, туда не лазает. Это как с жертвами «голодомора» – вычисляли, «качали на косвенных», извращались по-всякому, чтобы подсчитать, сколько народу умерло. А всего-то и дела было, что пойти в ГАРФ и взять лежащие там цифры. Но ведь не пошли же! Иван Иванович первым их опубликовал, за столько-то лет...

Или вот с катынской темой какая история вышла. Как известно, катынское преступление не вошло в приговор Нюрнбергского процесса, и на этом основании утверждается, что трибунал отказал признать вину немцев в этом расстреле. Нам стало интересно, почему не вошло. Мы полезли в архив и взяли не выжимки из Нюрнбергского процесса, а подлинные стенограммы, они в Москве есть, в том же ГАРФе. Нашли там кучу интересных фактов. И что выяснилось? Оказывается, обвинение предъявлялось конкретному командиру полка связистов, который сумел доказать, что его там в это время не было. И только. Это совершенно не значит, что какой-нибудь другой немец не организовывал эти расстрелы.

Катынская тема исползнана, исследована под микроскопом, а эти стенограммы до сих пор не введены в исторический оборот. Они каким-то образом прошли мимо внимания катынцеведов. Наверное, слишком глубоко в архиве лежали...

Д. Пучков: Какой странный подход.

Е. Прудникова: А вот так! Я и сама была удивлена. Поэтому подделывать весь массив нет никакой нужды. Обычно подделывают несколько документов, их публикуют, всячески пиарят, как это было с тем же «катынским пакетом». Напечатали четыре бумажки, подделки грубые настолько, что никакой экспертизы не надо, кричат, что подлинные, – и хоть ты плюй в глаза!

Д. Пучков: А наука что говорит?

Е. Прудникова: Наука дипломатично помалкивает.

Д. Пучков: Есть, например, историки, которые разрабатывают какое-то историческое направление – допустим, Катынь. Вам встречались такие специалисты, с которыми можно подискутировать на данную тему?

Е. Прудникова: Лицом к лицу не встречались по той же причине: они в Москве, я здесь. Поэтому, когда со мной хотят поговорить, я отвечаю: «Пожалуйста, оплатите дорогу, я приеду». У меня нет проблем с тем, чтобы высказать свое мнение: я пишу книги, их печатают. А тратить свои деньги ради того, чтобы с кем-то подискутировать...

Д. Пучков: Для меня данный вопрос в ряде аспектов вообще удивителен. Когда появилась общеизвестная мразь под кличкой Суворов, настоящая фамилия Резун, официальная наука не сказала ничего. Вообще ничего! Десятки лет прошли, пока возбужденная общественность, в частности небезызвестный Алексей Исаев, начала его разоблачать... Это получается, что спасение утопающих – дело рук самих утопающих?

Е. Прудникова: За что я благодарна Суворову и не устаю ему выносить благодарности при каждом удобном случае – так это за то, что он возбудил общественность, а то бы она так и сидела на пятой точке ровно, и мы бы не имели той истории войны, которую сейчас имеем.

Она большей частью написана не профессиональными, а «вольными» историками и началась как протест против Суворова.

Д. Пучков: Это не так, скажу я вам. Подобные «труды» уродуют общественное сознание. И идиоты, начитавшись всяких помоев, в это верят, и переубедить их невозможно.

Е. Прудникова: Зато появилась куча людей, которые в итоге переубедили общество, а не идиотов. А идиотов зачем переубеждать?

Д. Пучков: Это пропаганда. Что значит «зачем их переубеждать»?

Е. Прудникова: Если человек поверил пропаганде, а потом узнал, что его обманули, он станет только крепче в своих убеждениях и другой раз уже на грубую фальшивку не поведется. А если человек по каким-то причинам ненавидит страну, в которой вырос... Есть такие люди, которые в своих комплексах и жизненных неудачах винят не себя, а семью, строй, государство. Такому человеку Суворов действительно дает обоснование для его ненависти, но не было бы этого обоснования, он бы нашел себе другое. Если человек хочет верить – он верит, такого вы не переубедите, это невозможно.

Д. Пучков: У советской власти неплохо получалось.

Е. Прудникова: Нет, посадить – получалось, переубедить – нет. Зато эти люди получали мученический венец из колючей проволоки, что помогало им пиарить свои взгляды. Если бы Солженицын не сидел, кто бы поверил его «Архипелагу»? Резун стал тем кусачим оводом, который пробудил нашу пишущую и думающую общественность от перестроечного дурмана. А вот не надо было трогать войну! Главной ошибкой нашего противника стало то, что они тронули войну, маятник пошел обратно – ну, а уж коль скоро он пошел, его не остановить.

Д. Пучков: Дальше пойдем. *«Как ваши знания и взгляды проецируются на окружающих вас людей? Есть ли несогласные среди друзей, родственников? Ожидаете ли от вашей работы, что в обществе начнутся подвижки какие-либо, или такого ожидания нет?»*

Е. Прудникова: Родственников у меня много, и они разные. Большей частью говорят: «А мы тебя по телевизору видели». Есть такие, которые всё лучше всех знают, есть такие, которые, увидев какую-нибудь ахию в газете или телепередаче, спрашивают: «Это на самом деле было так? Или они врут?» Футболку со Сталиным мне тоже родственники подарили. Не потому, что сталинисты, а просто чтобы мне было приятно.

Друзья у меня большей частью занимаются тем же, чем и я, поэтому с ними мы спорим постоянно. Ну, либо вообще об истории не разговариваем, чтобы не испортить отношения. Что же касается общества... Какой смысл вообще всем этим заниматься, если не надеяться на подвижки в обществе? И ведь маятник пошел-таки назад. Например, Берию злодеем уже не считает практически никто, даже среди широкой публики, а ведь двадцать лет назад, когда Юрий Игнатьевич Мухин начинал эту тему, о нем доброго слова никто не говорил.

Д. Пучков: Далее. *«Не кажется ли вам мультик про пирожок немного поверхностным аргументом? Не могли бы вы в “разведопросах” приводить более точные ссылки на точные сведения, а не домыслы в стиле “скорее всего”»...*

Е. Прудникова: А чем плох мультик «Пирожок»?

Д. Пучков: Что там такое?

Е. Прудникова: А там одна из причин «голодомора». Котик и собачка не работали, ничего не делали, а потом пришли за своим кусочком пирога – ну, их и выгнали. Тогда давайте ни на что не ссылаться, даже на евангельские цитаты. «Кто не работает, тот не ест», – это ведь тоже поверхностно, правда?

Д. Пучков: Это не аргумент, это аналогия.

Е. Прудникова: Мультик тоже аналогия – товарищ, наверное, просто не понял. Что касается точных ссылок, аргументов и фактов – я не собираюсь этого делать. Я пишу книги, это мой заработок, поэтому если кому надо – идите в книжный магазин покупайте, читайте, в книжках и документы, и ссылки – а я буду иметь с этого свой процент. В «Разведопросах»

я рассказываю только о самых общих вещах. А когда я говорю «скорее всего» – это вообще не аргумент, это вывод. Это значит: девяносто процентов за то, что было так, все на это указывает, но десять процентов все же за то, что это не так.

Д. Пучков: Повторим для тех, кто в танке: ролики снимаются для того, чтобы сподвигнуть граждан думать и искать самостоятельно. Залез в книгу, почитал, заинтересовало то, заинтересовало это. «Разведопрос» – это входная точка, а дальше из нее во все стороны идут тропинки, по которым надо идти самостоятельно, каким бы странным вам это ни казалось.

И тут читатель спрашивает: *«Елена, давно ли вы были у психиатра?»*

Е. Прудникова: Я получила этот вопрос как раз перед своим днем рождения. Мы сидели рядом с моим другом-психиатром, я его спросила: «Как?», он сказал: «Никак. Не по моей специальности». Если это шутка, то шутка, по-моему, достаточно дебильная, а вот если это сказано всерьез, то автору вопроса самому нужно показаться. Потому что когда человек говорит не то, что ты думаешь, а ты его считаешь сумасшедшим, это повод пойти к психиатру в первую очередь тому, кто так считает.

Д. Пучков: Для многих, кто пожизненный подросток, крайне странно, что у людей бывают другие мнения, другие политические взгляды, другая вера и прочее. Поскольку он умный и нормальный, совершенно очевидно, что умные и нормальные только те, кто думает так же, как и он, и верит в то же, во что и он. А всем, кто отличается, надо провериться у психиатра.

Е. Прудникова: Ну вот, психиатр ничего не нашел, все настолько уныло нормально, что даже противно.

Д. Пучков: Перейдем теперь к нашей теме. У меня большой интерес относительно таких процессов, как коллективизация, раскулачивание. Хотелось бы с вами про это поговорить: где корни данных явлений, отчего все случилось и почему пошло именно так? Как известно, программа коллективизации была принята для того, чтобы уничтожить русский народ...

Е. Прудникова: Вне всякого сомнения. Был у нас такой замечательный русский народ, Бога почитал, царя обожал, дети креститься начинали раньше, чем ходить, крестьяне хлебушек растили, сами питались здоровой пищей и державу кормили... Потом пришли злые большевики, всех развратили, обманули, посулили рай на земле, а вместо этого всех уничтожили, а тех, кто остался, превратили в тупой безликий «совок». Примерно так выглядит история от журнала «Огонек».

Вот только непонятно, почему это армию великого русского народа японцы побиили (я уж про немцев и не говорю), а тупой «совок» сгреб один из самых кошмарных режимов в обозримой истории, как бульдозер мусорную кучу. И делали это в большинстве своем те самые крестьяне, которые только и мечтали, чтобы кто-нибудь пришел и освободил их от большевиков и от их колхозов...

Д. Пучков: Ну, давайте посмотрим, что же там в деревне было, что можно было сделать теоретически, что можно было сделать практически, что сделали, к каким результатам это привело, что было не так, как лжет лучший друг отечественной самопровозглашенной интеллигенции Солженицын. И как получилось, что это чудовищное издевательство над русским народом и геноцид вознесли этот народ на такие высоты, с которых он до сих пор падает и никак упасть не может.

Е. Прудникова: Кстати, в советское время эта тема была прекрасно разработана. Вот, например, был такой историк Николай Ивницкий, написал шикарную книгу: «Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса», где сказано про коллективизацию, в общем-то, все, что надо сказать. В 90-е годы, кстати, он написал еще одну – «Коллективизация и раскулачивание», где точно те же факты интерпретируются с совершенно другой точки зрения. Причем факты абсолютно одинаковые. Это как иллюстрация к тому, что такое исто-

рическая наука. Но книг было достаточно, от научных до детских, которые разрабатывали все эти темы.

Д. Пучков: Вся беда, с моей точки зрения, заключается в том, что есть некие официальные рупоры пропаганды, которые должны доносить до населения некую точку зрения. И точка зрения доносится, мягко говоря, странная. Зачем вы врете? Врут, врут, а в результате... Большевики этому наилучший пример. Они предпочитали не говорить о чем-то, не выносить сор из избы: про голод, про репрессии – вроде как всего этого и не было. А в результате выпрыгивают Солженицыны, которые гадят в мозг населению всей страны, и потом, чтобы это дерьмо оттуда вымыть, нужны десятилетия. А где рассказы про подвиги и свершения предков? Это же тектонические изменения в родной стране, которые нас привели к достаточно серьезным вещам – например, к победе в Великой Отечественной войне. Уж не колхозы ли кормили Красную армию? Или это кулаки в своей ссылке подняли хозяйство?

Е. Прудникова: Еще американцы помогали, но в основном все-таки колхозы.

Д. Пучков: Возможно, это как-то взаимосвязано – стройки коммунизма с колхозами, снабжение армии с колхозами?

Е. Прудникова: Сейчас даже самые ярые антисоветчики признают, что колхозы накормили страну, но они кричат о жертвах. И они кричат, что это было ломание крестьянства через колено. Но что характерно – никто ведь не говорит, как надо было сделать. Максимум, чего от них можно дожидаться – так это невразумительных ссылок на некие «чаяновские традиции». Ну какие традиции могли быть у сына московского купца Чаянова, который изучал сельское хозяйство за границей? Традиции английского фермера или немецкого бауэра?

А какое ломание крестьянства через колено может быть хуже того, как его ломал Столыпин?

Это он ломал, а большевики, наоборот, по шерстке гладили, потому-то у них все и получилось. Через колено ломали 3 % населения. Другое дело, что наши профессора больше сочувствуют богатеньким...

Д. Пучков: Естественно.

Е. Прудникова: Они себя ассоциируют с профессором Преображенским, у которого семь комнат и который хотел бы восьмую, а не с каким-нибудь Швондером, который в детстве спал вместе с братьями и сестрами на полу в куче тряпья, а теперь улучшил социальное положение – имеет аж целую койку в жилтовариществе. Отсюда естественное сочувствие социально близким, отсюда и взгляды. А у меня все предки из бедных крестьян, которым советская власть дала все, я-то с какого перепугу стану сочувствовать профессору?

Д. Пучков: Снова все упирается в корни?

Е. Прудникова: По-видимому, корни человека как-то влияют на его понимание исторических процессов. Если бы мне в детстве бабушка рассказывала, как ее с родителями крестьяне выкидывали из имения, книги сожгли, в рояль нагадили – у меня, возможно, был бы другой взгляд. Но мне бабушка рассказывала, как они с матерью ходили искать отца в овраг, где белофинны расстреливали русских крестьян, – она родилась в Выборгской губернии. И поэтому я смотрю на историю не с мыслью о потерянном имении и счете в банке, а с мыслью о трех высших образованиях, полученных моими беднейшими, от сохи, предками...

Беседа 1-я

Два века рабства

Е. Прудникова: Итак, насчет корней. Чтобы говорить о коллективизации, надо сперва поговорить о русском сельском хозяйстве, понять, в каком оно было состоянии и как дошло до жизни такой. Например, во время Смуты начала XVII века было один за другим три неурожайных года, практически полностью неурожайных, а смертельный голод начался лишь на третий год. Представляете? Два года практически без урожая, а люди живут, и только на третий год умирать стали.

Д. Пучков: А это у них было попрыгано или царь-батюшка приберег?

Е. Прудникова: Это у них не попрыгано, а просто лежало в амбарах. Царь-батюшка помогал, монастыри помогали... но при тогдашних средствах сообщения возможности-то были ограничены. И все же люди держались. В начале же XX века один неурожай – и все, полстраны голодает. Это если говорить о массовом голоде, а в индивидуальном порядке множество народу каждый год голодало, и положение постоянно ухудшалось.

Д. Пучков: И как же дошло наше сельское хозяйство до жизни такой?

Е. Прудникова: Вина в этом в первую очередь царь Алексей Михайлович, которого, не знаю за что, прозвали Тишайшим. Наверное, по иронии судьбы. Почему друга Робина Гуда Маленького Джона называли Маленьким Джоном? Потому что был двух метров ростом. Думаю, и Алексея Михайловича называли Тишайшим по той же причине.

Д. Пучков: Наверное, потому что при нем было тихо.

Е. Прудникова: Да, очень тихо, почти как при Ленине. Один церковный раскол чего стоит!

Но давайте заглянем еще на век назад. Был такой царь Иван Четвертый, по прозвищу Грозный, мужик хитрый, не зря его Сталин любил. Он опирался на дворян против бояр, а на народ против элиты. Поэтому ему народ обижать было не с руки. Кстати, именно он окоротил аристократию, и он же ввел земское самоуправление, которое спасло страну в Смуту. Кузьма Минин ведь был земским старостой и ополчение собирал, пользуясь именно этим механизмом... Вообще, Грозный много интересных вещей ввел, и все больше в интересах государства – не зря его российские историки, державшие руку правящего класса, так не любили.

Но, к сожалению, на сыне Грозного Федоре династия прервалась, и на престол полезли бояре: сперва Годунов, потом Шуйский, и в итоге закрепились Романовы. А боярам боярские интересы ближе – своя рубашка, знаете ли... Короче говоря, землевладельцы на престол влезли и начали гнуть линию, нужную землевладельцам. При Михаиле Федоровиче все еще прилично было, а при Алексее Михайловиче понеслось!

Ведь как раньше все было устроено? Часть земель находилась в вотчинной собственности у бояр. А прочие земли были поместные, то есть сидели на них в общем-то свободные мужики, лично свободные, хотя и прикрепленные к земле, – так в то время каждый человек был к чему-то прикреплен. А уж землю давали в кормление за государеву службу. Отслужил – изволь вернуть, выгнали – изволь вернуть. Могли дать землицу как пенсию. Например, убили твоего мужа на войне, и дают тебе, как вдове, поместье. Так и называлось: по месту, поместье. А какой самый большой интерес у помещика? Естественно, сделать так, чтобы то, что ему дали, стало его полной собственностью и наследникам отошло. Вот этого они и стали добиваться. Ну и, как говорили классики нашей фантастики, зачем им земли без крепостных? И пошел процесс, потихонечку так, медленно-медленно.

Я искала момент, когда крестьян закабалили, – и не нашла. Не было такого, все делалось ползучим образом. То помещик какое-нибудь право получал – например, мог сослать

крестьянина в Сибирь самолично, без царского суда. То крестьянам запретили жалобы царю подавать. Всем сословиям можно было, а им нельзя. И к петровским временам потихонечку, полегонечку помещики получили и поместья, и людей. Причем поместья получили отдельно, а людей – отдельно. И в этом некоторая хитрость нашей исторической науки. Потому что любой человек, окончивший советскую школу, знает, что когда люди принадлежат человеку сами по себе – это как называется?

Д. Пучков: Рабовладение.

Е. Прудникова: Вот именно. Оно-то у нас и было, а никакого не крепостное право. Крепостное право было у так называемых государственных крестьян. Царь Петр как-то утром проснулся, глаза протер, посмотрел: а что это у меня какие-то вольные землепашцы по краям империи сидят? А давайте-ка я их прикреплю к земле. Взял и прикрепил, назвал государственными крестьянами. Им-то самим не все ли равно? Они как подати платили, так и платят. Поняли они все несколько позже. Потому что вольного хлебопашца царица Екатерина своему аманту за постельные утехи или за военные победы подарить не может, прав таких не имеет. А государственного крестьянина – да запросто! И вот берет она десяток деревенок с людьми, которые еще вчера были вольными, и дарит. А другому нужны крестьяне для работы на заводе, она берет опять десяток деревенок и дает ему: вот тебе люди, пользуйся.

Но все ж таки у государственных крестьян положение было в целом неплохое. Сидели они на своей земле, платили подушную подать, оброк за землю и все такое прочее, в остальном их особо не трогали. Это касается крестьян государственных, монастырских, удельных, то есть принадлежащих царской фамилии. Однако было у нас очень много крестьян помещичьих. А что это такое? Ну, то, что помещик мог крестьянина купить, продать, подарить, отобрать ребенка и продать, если денег на конфеты не хватало, – это мы все знаем. Но были и другие нюансы.

Я как раз на днях стала читать книжечку под названием «Сословное устройство Российской империи». И нашла там замечательные штуки. Например: в классическом рабстве, если раб у хозяина, он же подати не платит, правильно? Хозяин за него платит, хозяин дает кормежку, все, что ему надо. А у нас смотрите, как хитро устроено. С одной стороны, крестьянин был в рабстве у хозяина, его собственностью. А с другой стороны, подать он платил, несмотря на то, что был рабом. А податей этих было... Подушная, налог на общегосударственные нужды, на почту, на земскую полицию, на дороги, на содержание арестантов, на содержание местного управления, дорожного управления. Натуральные подати: постоянная, подводная, провиантская, строительная, еще рекрутов давать надо. А за тех, кого в рекруты сдали, оказывается, подати продолжали платить. И с кормежкой у нас хитро было повернуто: хозяин, вместе того чтобы давать рабу еду, одежду и прочее, дает ему клочок земли на пропитание. Расти там себе хлебушек, живи, как можешь. А за это пользование землей ты на меня должен еще барщину отработать. Только царь Павел ограничил барщину тремя днями, и то законодательно, а по уездам кто исполнение закона проверять будет? Правильно! Где царь и где уезд?

То есть: ты раб, продать тебя могут, подати ты платишь, на хозяина работаешь, еще и себя должен как-то при этом кормить. Это уже даже и не рабство, это вообще не знаю, что такое.

Д. Пучков: Золотая была эпоха.

Е. Прудникова: Кому как. Кому золото, а кому изнанка. Теперь можно поговорить и о сельском хозяйстве. Что нужно для того, чтобы развивалось сельское хозяйство?

Д. Пучков: Ну, наверное, земля хорошая, климат приятный.

Е. Прудникова: У нас были и земля, и климат. Главное, что нужно для сельского хозяйства, – это сельский хозяин. То есть человек, которому это надо. Он на этой земле работает, он с нее доход получает, он в нее деньги вкладывает, ему все это потом возвращается.

Д. Пучков: В основном, как мне кажется, в тех условиях они не могли вырастить достаточно много. Все было плохо: культур не было, методов обработки не было. Соответственно и урожаев...

Е. Прудникова: В Европе почему-то все было!

Д. Пучков: Там климат другой.

Е. Прудникова: При чем тут климат?

Д. Пучков: Ну как можно сравнивать юг Франции или Италию и Новгородскую губернию?

Е. Прудникова: Давайте мы Новгородскую губернию сравним с Германией, а Италию с Доном или Кубанью. На Кубани еще лучше, чем в Италии, урожаи. Страна-то у нас большая. Тем более настоящий хозяин – он вырастит урожай в любом климате, на любой почве. На острове Валаам в Ладожском озере монахи дыни в открытом грунте растили. Просто Европа – она шла от крепостного права к капитализму. Капитализм тоже сильно не райские кущи, но он тогда поощрял людей к тому, чтобы становиться хозяевами и стремиться получать доход. А у нас была петля обратного времени, у нас от крепостного права пошли к рабству. И кто в таком случае сельский хозяин?

Д. Пучков: Помещик?

Е. Прудникова: Помещику не до хозяйства, он на государственной службе. Земли свои он бросил на управителя, а управителю что надо? Ему надо хозяину деньги вовремя отсылать, ну и себя при этом не забыть. Чтобы хозяйство развивалось, в него надо деньги вкладывать. А хозяин из Петербурга пишет: дошло до меня, что ты там мужикам деньжонок на хороших лошадей даешь? Это еще что за самоуправство! У меня тут карточный долг 40 тысяч, а ты на лапотников мои денежки переводишь! Потом подоспел указ о вольностях дворянских, так что помещик мог уже и не служить. И тут, как по заказу, «золотой век» – Петергофы, Версали, кринолины. Знать развлекалась напропалую, прочие тянулись за знатью, и так до самого последнего уезда. У царицы три тысячи платьев, а у жены предводителя дворянства хотя бы тридцать-то должно быть? И дом надо, и лошадей породистых, и прочие элементы красивой жизни... Помещик покрупнее, со средствами, живет в городе – помните, в школе стихи учили: «Барина все нету, барин все не едет...» А если в городе жить не по средствам, то чем он занят в поместье? Устройством красивой жизни в уездном масштабе. Дивная есть книжка, мемуары Елизаветы Водовозовой. Автор выросла в небольшом поместье в Смоленской губернии и описывает свои детские впечатления. У них в семье было семнадцать детей, жили они в уездном городе, папа служил и на доходы от службы содержал дом, детей, заводил домашний театр, ну и деревенька там что-то капала. А потом пришла холера. Папа умер, двенадцать из семнадцати детей умерли, мама осталась с пятью детьми, жалованья нет, жить не на что. Пришлось перебираться в деревеньку. На управителя средств нет, так что мама от отчаяния стала сама ездить по полям, наблюдать за работами. В сельском хозяйстве она не сильно разбиралась, но хотя бы крестьян пинала, чтобы работали, не отлынивали. С деревеньки своей они кое-как и кормились.

Был у маменьки двоюродный брат, генерал, проживал в Питере, хозяйство брошено на немца-управителя, который крестьян довел до полного разорения. У тех ни скота, ни хлеба, дети мрут, да еще и право первой ночи, сволочь, ввел.

Д. Пучков: Ну, то есть немец наживает деньги и развлекается.

Е. Прудникова: Да, а если девка ему не дает, так он ее на цепь сажает, как собаку.

Д. Пучков: Молодец какой!

Е. Прудникова: Но денежки в Питер немец отсылал исправно, да и себя не забывал, а на завтрашний день имения ему было плевать, он не хозяин, он управитель. И вот маменька, значит, в один прекрасный день встала, а у нее крестьяне двоюродного брата в количестве нескольких десятков человек под дождем на коленях во дворе стоят: защитить, мол, матушка.

Матушка дело проверила, в Питер отписала, немца прогнали, стали хозяйство восстанавливать. Не знаю уж, когда генерал снова начал с имения деньги получать. Если бы не сестрица, то еще несколько лет – и мог бы вообще с хозяйством попрощаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.